

— Здесь нет никакого смысла. — Усталость висит на мне, как плащ, но, подпитываемый праведным негодованием, я растираю травы в своей самодельной ступке, изо всех сил пытаюсь понять объяснение Лей Гонга. — Из-за одного демона и пятидесяти Оскверненных, Имперская армия собирается напасть и убить всех?

Морщась, он пожимает плечами, плечи Лей Гонга опускаются, он терпеливо ждет лечения, его грудь сочится черным гноем, поскольку коррозия демона разъедает его плоть.

— Не совсем, но у вас есть широкие возможности. Многие умрут в процессе допроса, вот что происходит, когда демон оказывается в пределах границ. Быть Оскверненным - это болезнь, которую невозможно обнаружить, пока они не потеряют контроль, или человек, о котором идет речь, не продвинется в использовании Ци.

Не считая его ужасного зловония, старик достоин похвалы, хоть и жалуется на мучительную боль. Черт, этот демон лишь чуть-чуть коснулся моей кожи и это было чертовски больно. Я не знаю, почему демон не использовал яд на мне, но я все равно благодарен.

— Хорошо, вы не можете обнаружить, если кто-то Осквернен, но это не значит, что они могут оправдать неизбирательное убийство.

Печально вздыхая, он отхлебывает вино из своей фляжки и качает головой.

— Не спору, но разве есть другой выбор? Ты говоришь мне, что Смеющийся Дракон осквернен, и я верю тебе, но это трудно принять. Он работает здесь уже несколько десятилетий, "головешки" печально известны уже почти пять лет. Я не раз встречал этого человека, смеялся с ним, делился с ним едой и питьем, и никогда за десять тысяч лет не заподозрил бы его в осквернении. Он казался хорошим человеком, для бандита. — Его глаза остекленели, когда он обыскивал свои воспоминания, подозрения и сожаление ясно, как день. — Он годами прятался на виду, а там, где есть один, есть и другие. Сколько еще могут пострадать? Сотни? Тысячи? Если позволить им распространяться и расти, они могут угрожать Империи изнутри, чего мы не можем себе позволить в эти трудные времена.

Сосредоточившись на работе, я не замечая его обвинительного взгляда.

— Ну и что? Лучше убить десять тысяч невинных, чем позволить одному Оскверненному сбежать? Это безумие. — Если я буду держать все в секрете, Стражи поддержат меня, а бывшие бандиты - расходный материал, мне придется позаботиться только об одном, старике, который, возможно, уже умирает... Ах, хитрый ублюдок. Заткнись и оставь меня в покое.

Чертовы Призраки.

Не зная о моих мыслях об убийстве, Лей Гонг гладит свою опаленную бороду, потирая пальцами обнаженную кожу.

— Таков путь этого мира. Даже одно незамеченное осквернение в нужном месте может нанести непоправимый ущерб Империи, в результате чего города падут и армии погибнут. Это случалось и раньше, и пусть Мать поможет нам, это случится снова.

Постоянный скрежет камня о камень заполняет тишину, когда я концентрируюсь на поиске ответа на наши проблемы. Из ежедневных отчетов Бейлдага и небольших проблесков, которые я получал, когда он был в беде, я знаю, что он чувствовал осквернение. Может быть, это

сработает.

—Массовое убийство не является приемлемым решением... Что, если есть способ обнаружить Оскверненных? Ты бы передумал? — Мне просто нужно объяснить, как я могу чувствовать Оскверненных и почему я никого не могу научить.

Я должен сдаться, это не стоит всех этих проблем. Я не более чем никче...

Черт возьми. Теперь он переходит к жалости к себе? Моя самая большая слабость...

— Даже если бы такой метод существовал, армии было бы все равно. Их путь проверен и надежен, не стоит рисковать, не с Оскверненными, уже колотящимися в наши двери. Ты молод и идеалистичен, но это изменится. Ты увидишь из первых рук, как армия искореняет Оскверненных, случается несколько раз в год, всегда очень тихо. — Наклонив голову назад, он осушает оставшуюся часть своей фляжки с винном, его горло подпрыгивает, когда он глотает сильно пахнущий алкоголь. Проходит почти целая минута, прежде чем он опустошает фляжку и закрывает глаза со скорбным вздохом. — Может быть, ты поймешь, когда они закончат, но я бы не стал на это ставить. Наблюдая, как умоляющие дедушки и плачущие дети превращаются в дикарей в мгновение ока, трансформируются в демонов, как только теряется всякая надежда, ты поменяешься... Пройдет много времени, прежде чем ты сможешь доверять кому-либо после этого. Хуже всего то, что те, кто не превращаются, смотрят в глаза...

Его призрачный голос говорит о личном опыте в этих вопросах, и я прикусываю губу, чтобы не спросить, работая в тишине, когда он занимался своей личной болью. У всех нас есть свои внутренние демоны, и немного тишины и самоанализа полезно для души. Когда он тянется к другой фляжке с вином, я замечаю, что много алкоголя также, кажется, помогает. Не кажется, что это самый здоровый способ справиться с проблемами, но если это его не ломает...

Черт, мне бы тоже не помешало выпить.

Я имею в виду, блядь ... Баледаг осквернен, а я какой-то Демонический Призрак или что-то в этом роде ... Никто не должен сталкиваться с этим дерьмом трезвым.

Проходит еще час, прежде чем я заканчиваю лечение Лей Гонга, медленно, так как я почти засыпаю. Коррозийная жидкость - отвратительная штука, оставленные без лечения - плоть и органы Лей Гонга растворились бы в черном иле, медленно убивая его в течение нескольких дней. Честно говоря, лечение не слишком эффективно, в учебниках не так много написано про демоническую коррозию. Я промыл рану водой и покрыл ее травяной пастой, которую состряпал методом проб и ошибок, что могло замедлить или даже свести на нет коррозионный эффект. Остальное Лей Гонг должен сам исправить, мое лечение немного больше, чем покупка времени для его исцеления с помощью Ци.

Моя работа выполнена, я собираю медвежат и увожу их подальше от вонючего старика, его запах тела лишь в шаге от того, чтобы сбить человека с ног. Ожидая поблизости, Равиль вручает мне массивную миску тушенки и стопку хлеба для путешествий, терпеливо ожидая, когда я буду жадно есть. Кивнув в знак благодарности, я говорю с набитым ртом, в то время как детеныши подпрыгивают, выпрашивая объедки.

—Доклад. — Черт возьми, они милые. Пожалуйста, будьте маленькими медведями, моя кровать и так достаточно тесная.

Лысый темнокожий хулиган - сержант лениво, почти насмешливо отдает честь. Я должен преподать ему гребаный урок, я заслуживаю уважения. Ох, нет. Я сказал вам, ребята,

прекратить это. Не заставляй меня идти туда и сажать их в тюрьму. — Все наши разведчики вернулись целыми и невредимыми, никаких признаков осквернения. След демона ведет с севера на северо-восток, но мы проследили за ним всего час, прежде чем развернуться. Должен ли я послать разведчиков, чтобы предупредить армию о вспышке Оскверненных?

— Нет, пока нет, мне нужно время, чтобы все обдумать. — Если я отправлю отчет, то отправлю тысячи людей на смерть. Должен быть лучший способ. Держу пари, я справлюсь с этим сам, попрошу Материнское Ополчение помочь мне собрать жителей деревни и осмотреть их одного за другим. Мне придется убедить Лей Гонга держать рот на замке, но это не должно быть слишком сложно, он казался расстроенным, когда говорил о Чистке.

— Мы кремировали всех гражданских, кроме девушки, Ай Цин. — Не привыкший к сочувствию, Равиль заикается, — подумал, что ты захочешь... распрощаться.

Черт возьми, эта мысль даже не приходила мне в голову. Мне нужно поспать неделю, мои глаза почти не открываются.

— Спасибо, Равиль. Следите за Лей Гонгом и дайте мне знать, если его состояние ухудшится. — Я мало что могу сделать, если это произойдет, так что будем надеяться на лучшее.

Опять же, все было бы проще, если бы он был мертв.

...

Ладно, достаточно, что-то нужно сделать с этими призраками и их проклятым шепотом. Неудивительно, что Бейлдаг всегда такой кровожадный, со всеми их непрекращающимися толчками, я уже почти готов убить кого-нибудь, только чтобы заткнуть этих ублюдков. Хуже всего то, что они чертовски хитрые. Большинство из того, что они говорят, имеет смысл в извращенном смысле. Убить Лей Гонга и приказать бандитам и Стражам держать рот на замке кажется хорошим планом, но он ничего не решает. Я бы забрал одну жизнь, чтобы спасти десять тысяч, и поставил бы под угрозу миллионы, если бы не справился со всеми Оскверненными, скрытыми здесь. Не говоря уже о том, что несколько выживших из деревни Ай Цин, которые могут выдать все, независимо от того, что я делаю.

Это слишком, я хочу пойти домой и забыть все, что здесь произошло. Если бы я только мог вернуться в то время, когда я думал, что я шизик и слышу голоса, тогда все было проще. Вместо этого я застрял здесь, измученный, раненый, нерешительный и смущенный. Я не уверен, что у Лей Гонга запланирована уловка, или что Бейлдаг собирается сорваться и пойти на серийное убийство, или что я собираюсь сломаться и превратиться в монстра.

Вопросы за вопросами, они никогда не заканчиваются. Я слишком устал для этого дерьма. По одной вещи за раз. Закончив трапезу, я направляюсь туда, где Ай Цин лежит на погребальном костре, ее тело покрыто одеялом. Два медвежонка, кажется, понимают, что она уходит, слышать их скорбные крики – душераздирающее представление. Сев с детенышами на руках, я закрываю усталые глаза и изо всех сил пытаюсь не заснуть, пока посылаю свой разум в пустоту. Увидев Бейлдага, лежащего в постели, вся моя неуверенность высвечивается в потоке сомнений и уныния. Кто я? Почему я здесь? Я какая-то феноменальная космическая ошибка, или я здесь с определенной целью? Должен ли я добровольно отказаться от контроля над Бейлдагом и позволить ему жить своей жизнью, или я подавляю его и надеюсь, что он просто... уйдет? Он убит горем, почти умоляет меня оставить его в покое, чтобы оплакивать свою потерю в блаженном забвении.

Может, мне стоит избавить его от страданий.

...

Я не уверен, что могу винить в этом призраков.

Остальная пустота так и остается, и как бы я ни старался, я не могу создать ничего другого. Раньше, когда мы оба думали, что это мой разум и мои владения, я был всемогущим. Все, что я мог себе представить, я мог создать, мое убежище вдали от всех ужасов мира и дом для Бейлдага, чтобы развлечь себя в часы бодрствования. Это было единственное место, где я чувствовал себя в безопасности, где я был боссом, Альфой, большой Кахуной. Сейчас... Я не уверен. Либо Бейлдаг занял мое место, и я больше не главный, либо моя неуверенность в себе разрушает мои умственные способности.

Может быть, и то и другое. А может, это вообще что-то другое. Кто знает. Независимо от причины, капитан, теперь - Бейлдаг.

Слегка встряхнув его, я выкрикиваю его имя.

—Бейлдаг, проснись. — Может, и так, у него никогда не было имени, а значит, и чувства собственного "я". Теперь, когда он это сделал, я думаю, это противоречит... кем бы я ни был. Два разума в одном теле не могут быть здоровыми. Его тело смещается, кровать и одеяла отлетают на несколько метров, мое раздражение растет, когда я марширую. — Перестань притворяться спящим, пришло время похорон Ай Цин. — Он никчемный ребенок, я должен убить его или оставить здесь, пока он не исчезнет. Я заслуживаю жить больше, чем он, я заслужил все--

Остановившись на своем пути, я поднимаю ладонь и мысленно вызываю клетку призрака. Вихревые энергии захватывают неопределенное количество призраков внутрь, трюк, которому я научился после нескольких дней бегства от их упорной погони. Это не слишком отличается от Оттачивания, когда я перемещаю поток Ци через край лезвия, только шире, сложнее и больше... больше. Сосредоточив свое Ци с усилием, я увеличиваю поток с клеткой и прекращаю их настойчивый шепот, замененный удовлетворительным хором воплей, когда призраки врезаются друг в друга

Это чертовски раздражает, необходимость волноваться, какая из моих мыслей моя собственная.

Водоворот - объединение их вместе истощает ту небольшую энергию, которую я имею в считанные секунды, оставляя меня задыхающимся и сгоревшим. Глядя на маленькую тюрьму, которую я построил с разрешения Бейлдага, мне интересно, каков их конец игры. Услышав его версию событий, я понял, что они пытаются поглотить нас обоих, но он был пойман и съеден снова и снова, и ничего не произошло в великой схеме вещей. Что будет, если они поймают и меня? Я рискну предположить, что это будет неприятно, но подробности ускользают от меня.

У меня голова болит от всех этих умственных упражнений. Слишком много проблем, слишком мало сна.

Вздохнув, я отбрасываю клетку и сажусь рядом с Бейлдагом, который отворачивается с закрытыми глазами.

— Послушай, я знаю, что тебе больно, и ты можешь остаться здесь, Если хочешь. Я все улажу за тебя, но поверь мне, когда я скажу, ты пожалеешь об этом. Выйди и попрощайся. Ты можешь вернуться сразу после этого. —Надеюсь, что поймет. Я не готов быть полноценным

ангелом на его плече, и, судя по содержимому клетки, шансы сильно против меня. — Давай, Бейлдаг. Ты можешь это сделать.

— Оставь меня в покое.

Ну, по крайней мере, он говорит.

— Прости, но я не могу. Мы направляемся на север, к более защищенному лагерю, так что это наш единственный шанс.

Отмахиваясь от меня, Бейлдаг бормочет:

— Позаботься о ней ради меня. Не оставляй ее на съедение, она заслуживает лучшего.

Положив руку ему на плечо, я говорю как можно мягче.

— Бейладг, это тело - не она, это то, что она оставила позади. Ай Цин ушла, ее не волнует, что происходит с ее телом. Эти похороны для того, чтобы те, кто знал ее, могли почтить ее память и оплакать ее кончину. Я не могу этого сделать, Бейладг. Я ее совсем не знал. Некому говорить о ней, кроме тебя.

Его плечи трясутся, когда он крепко сжимает мою руку, зарываясь лицом в подушки. После короткого крика он садится и вытирает глаза, медленно сползая с кровати. Сделав несколько глубоких вдохов, он кивает и становится, его челюсть сжата, а глаза мокрые.

— Окей. Теперь я готов.

Храбрый маленький воин, всегда готовый к бою.

— Ладно, пойдем попрощаемся и пожелаем ей счастливого пути, где бы он ни был. Плачь, кричи, делай все, что тебе нужно, я буду рядом с тобой, если ты не предпочтешь сделать это в одиночку.

Он качает головой, не глядя на меня, его голос тихий и приглушенный.

— Нет, Пожалуйста, останься со мной.

— Конечно.

Сделав еще один глубокий вдох, он входит в наше тело и берет все под контроль, в то время как я иду рядом с ним, занимая заднее сиденье в его эмоциях. Его горе ощутимо, когда он смотрит на тело Ай Цин, его руки сжимаются вокруг маленьких детенышей, ища утешения в их мягком меху. Теплые слезы текут из его глаз, плечи трясутся, пустота исходит из груди. Тихое хныканье, душераздирающий звук, пронзающий меня насквозь. Я все время забываю, как мало у него жизненного опыта. Когда ему было двенадцать, я пришел к нему, и он ничего не помнит. Со мной он плыл через годы жизни, лишь краткие проблески жизни в его разуме. Прошло четыре года, прежде чем он стал достаточно силен, чтобы высказаться, и даже тогда он никогда не контролировал себя. Первый раз - меньше месяца, и он так сильно влюбился, что я не знаю, можно ли назвать это везением. Это может быть щенячья любовь, а может и нет, но в любом случае, все равно ему больно.

Через несколько минут его слезы утихают, хотя тело продолжает трястись. Не в силах успокоить его, я говорю тихо.

—Почему бы тебе не сказать несколько слов?

По моему совету он встает и осторожно гладит ее по щеке.

— Прости, Цин-Цин. Я не смог защитить тебя. Ты испугалась, поэтому ушла, и это моя вина. Я не понимал, как это должно быть трудно для тебя, молодой женщины, жить в мире с незнакомцем. Когда я рассказывал тебе о твоей деревне, я должен был привести тебя посмотреть на них, или успокоить тебя и дать тебе почувствовать себя в безопасности. — В горле у него образуется комок, который душит меня, когда слезы снова начинают капать из его глаз, но голос остается твердым, решительным. — Я подвел тебя, но я найду тебя в следующей жизни, и я сделаю все лучше. Затем снова в следующей, и снова, и снова. Я проведу десять тысяч жизней, защищая тебя, любя тебя, лелея тебя, а потом еще десять тысяч, даже если ты никогда не вернешь мою любовь. — Его руки дрожат, когда он поднимает одеяло, чтобы прикрыть ее лицо. — Покойся с миром в объятиях Матери и переходи к следующей жизни, когда будешь готова. Не нужно меня ждать, мы будем вместе. Независимо от стоимости, я с удовольствием за все заплачу. — Отступив назад, он пригибается и одним ударом кремня зажигает факел, бросая его в основание костра. Взяв детенышей на руки, он садится и смотрит, как пламя медленно растет, поглощая дрова и плоть.

Чувствуя себя неловко во время того, что должно быть уединенным, я говорю что-то «себе».

—Это была прекрасная речь. Я сожалею о твоей потере. Из того, что ты мне рассказал, она бы подошла Лин и Миле.

На его лице появляется грустная полуулыбка.

—Лгун. Мила избивала бы нас до смерти за то, что мы вернулись домой с другой женщиной.

— Верно, но она не стала бы возражать против Ай Цин. — Вознагражденный небольшим всхлипывающим смешком, я продолжаю. — Тебе не обязательно оставаться, я справлюсь с остальным. — На горящие трупы не очень приятно смотреть. Или чувствовать их запах.

Прячась за своими детенышами, он отрицательно качает головой.

— Мне нужно довести дело до конца. Она была всем, что у меня было. Теперь, когда ее нет, у меня ничего нет.

Черт возьми... Теперь я чувствую себя еще более виноватым за свое расположение.

— Это неправда. Ты всегда будешь со мной.

—...Спасибо брат.

— В любое время... Брат. — Осквернен или нет, я серьезно. Мы разберемся с этим вместе.

Затихая в тишине, мы смотрим на пламя вместе, Бейлдаг скорбит, пока я остаюсь доступным для него, ломая свой мозг в поисках решения. Я не могу продолжать узурпировать его место, должен быть способ, чтобы мы оба могли жить полной, счастливой жизнью. Я имею в виду, игнорируя последствия разделения на данный момент, если я могу регенерировать целые конечности, насколько сложнее может быть создать новое, отдельное тело?

...Наверное, очень, очень, очень тяжело.

Ничто не бывает легким.

<http://tl.rulate.ru/book/591/468539>